

книги в плане разработки определенных частных вопросов, но и о ее бесспорной методологической ценности, источниковедческой обоснованности, а следовательно, и о правомерности осуществленных в ней весьма интересных сопоставлений в области истории первобытнообщинного и раннефеодального общества, новых теоретических обобщений проблем становления классового общества у славян.

Автор рассматривает сельское поселение и соседскую общину в Далматинской Хорватии X—XII вв. (гл. 2, стр. 81—126), семейную общину и коллективы родственников, не ведущих совместного хозяйства (гл. 3, стр. 127—197), изучает данные источников о свободных общинниках-аллодистах (гл. 4, стр. 198—251), о крупной земельной собственности и зависимом сельском населении (гл. 5, стр. 252—374). Кроме того, в ходе своего исследования Ю. В. Бромлей высказывает ряд весьма любопытных гипотез по истории расселения славянских племен на Балканском полуострове, по вопросу о существовании в хорватских землях так наз. «братской» семейной общины. Автор предлагает новое определение переходных производственных отношений в раннесредневековой Далматинской Хорватии (в X—XII вв.) как полусоседейскообщинных — полуфеодальных (стр. 386). Заключение (стр. 372—389), суммирующее результаты исследования автора вопроса о сущности этого строя, представляет, как нам кажется, само по себе большую по своей научной значимости работу. Книгу завершает указатель авторов цитируемых и упоминаемых работ (стр. 391—393) (который, к сожалению, не может заменить списка литературы), а также список сокращений (стр. 390), терминологический, именной и географический указатели (стр. 394—406).

Е. Н.

РОМАН МИМИНОШВИЛИ. ГРУЗИНСКИЕ ПЕРЕВОДЫ «ИЗЛОЖЕНИЯ» ИОАННА ДАМАСКИНА

Тбилиси, 1966,

стр. 194 (на груз. яз., резюме на русском языке, стр. 173—194)

Изучение литературного наследия Иоанна Дамаскина — выдающегося представителя византийской литературы, замечательного поэта, талантливого полемиста, систематизатора ортодоксальной христианской догматики — давно уже привлекает пристальное внимание исследователей. Творения Дамаскина оказали существенное воздействие не только на византийских писателей, но и на литературу соседних народов.

В деле изучения творчества Дамаскина большое значение приобретают ранние переводы его сочинений, среди которых важное место принадлежит и грузинским версиям. Как известно, в Византийской империи жили и творили такие выдающиеся представители грузинской литературы, философии и науки, как Петр Ивир¹, Евфимий Мтацмидели (Святогорец), Иоанн Петрици и многие другие. Кроме того, древнегрузинские переводы заслуживают большого внимания при изучении тех византийских памятников, оригиналы которых, по всей вероятности, утеряны безвозвратно. В других случаях переводы, греческие оригиналы которых сохранились, таят в себе такие разночтения, что мы зачастую вынуждены считаться с ними, признав существование другой редакции греческого подлинника, не дошедшей до нас.

В этом отношении не представляет исключения и «Изложение» Иоанна Дамаскина, являющееся основной частью его известного сочинения «Источник знания».

Книга Р. Миминошвили представляет собой интересную попытку решения вопроса о грузинских версиях этого сочинения. Как известно, первый грузинский вольный перевод «Изложения» был выполнен за сто с лишним лет до первого латинского перевода. Он принадлежал перу Евфимия Мтацмидели (умер в 1028 г.). Два других перевода (Ефрема Мцире и Арсена Икалтоели) были сделаны в конце XI столетия.

Следует отметить, что в научной литературе уже предпринимались попытки выяснить, почему Арсен Икалтоели приступил к работе над новым переводом, несмотря на то, что он принимал активное участие в работе над ефремовской версией. Вопрос об евфимиевской редакции не вызывает сомнения, ибо это не вольный перевод «Изложения», а целый сборник отрывков из разных сочинений Дамаскина и других византийских писателей, возможно, объединенных грузинским автором. К. Кекелидзе утверждал, что Арсен Икалтоели, перейдя от платонизма к аристотелизму, счел необходимым выполнить новый перевод; по мнению же Ш. Нупубидзе, к этому Арсена побудило то обстоятельство, что он принадлежал к реакционному лагерю грузинской философии и не мог признать удовлетворительным труд прогрессивного деятеля — Ефрема. Эти высказывания грузинских ученых совершенно не объясняют причину повторного перевода «Изложения», тем более что указанные соображения высказаны без сравнительного

¹ В последнее время, благодаря трудам Ш. Нупубидзе и Э. Хонигмана, утвердилось мнение, согласно которому Псевдо-Дионисием Ареопагитом являлся Петр Ивир, деятель V в. (см. Ш. Н у ц у б и д з е. Тайна Псевдо-Дионисия Ареопагита. Тбилиси, 1942; E. H o n i g m a n n. Pierre l'ibérien et les écrits de Pseudo-Dénys l'Aréopagite. Bruxelles, 1952).

изучения грузинских версий и греческого оригинала. Таким образом, один из важных вопросов древнегрузинской письменности до сих пор фактически оставался открытым.

В книге Миминошвили исследование ведется на основе тщательного сличения обеих грузинских версий (Ефрема и Арсена) с греческим оригиналом.

Особенно важным достоинством рецензируемой книги следует признать выявление предполагаемой редакции греческого оригинала, которая, по всей вероятности, послужила источником для грузинских переводов. В конце исследования автор приводит обширные отрывки (в грузинских переводах), которые отсутствуют в изданном греческом подлиннике и, по-видимому, отражают более древнюю редакцию. К сожалению, эти тексты приведены только на грузинском языке. Нам кажется, что автору следовало бы привести их в латинском или русском переводе, чтобы указанные различия могли быть доступны более широкому кругу специалистов.

Сличение грузинских версий «Изложения» с греческим оригиналом позволило автору заключить, что перевод Арсена был вызван не соображениями идеологического характера, а желанием упорядочить терминологию, еще больше приблизиться к первоисточнику. Кроме того, перед Арсеном Икалтоели, который в то время работал над созданием большого догматико-полемического труда «Догматиков» (отметим, кстати, что такого сборника не знает византийская литература), где все сочинения византийских авторов были переведены им же, встала дилемма: или отказаться от такого значительного сочинения, как «Изложение», которое прямо отвечало назначению сборника, или же включить в свой сборник перевод, выполненный другим автором. Поэтому-то Арсен и счел необходимым заново перевести этот труд, тем более что у него оказалась рукопись, которая отличалась от ефремовского подлинника с редакционной точки зрения. С этим мнением автора рецензируемой книги нельзя не согласиться. Однако при этом следует сделать некоторую оговорку. Нам кажется, что автор проявляет чрезмерную осторожность, заявляя, что греческие первоисточники переводов Ефрема и Арсена хотя и «принадлежали к одной и той же редакции, однако относились к различным группам рукописей» (стр. 189). Как понимать это утверждение? Ведь автор сам говорит, что перевод Арсена вместо 100 глав оригинала и ефремовского перевода фактически содержит 99 глав. Кроме того, автор книги указывает и на многие другие различия грузинских переводов. Если этих фактов недостаточно для того, чтобы говорить о разных редакциях, то вообще можно ли ставить вопрос о другой редакции «Изложения», послужившей источником грузинских переводов? Правда, есть много черт, объединяющих грузинские переводы в одну редакцию, отличную от издания Миня, но ведь и сам автор отмечает немало различий. Нам кажется, что Ефрем и Арсен пользовались при переводе разными редакциями «Изложения».

Одним из достоинств рецензируемой книги является то обстоятельство, что автор глубоко изучил комментарии грузинских переводчиков. Из этих комментариев (кстати говоря, очень важных для истории грузинской литературы) мы узнаем об их переводческом методе, можем в некоторой степени судить о развитии научной мысли той эпохи и т. д. В комментариях Ефрема заключаются важные историко-литературные сведения.

На стр. 178 рецензируемой книги автор пишет: «Критика Иоанна Дамаскина с атеистической точки зрения в данный момент не входит в нашу задачу. Мы должны изучить его сочинение в историческом аспекте. Правда, в последующие времена *πῦρ ἡ γύψωσις*, как догматическое произведение, задерживало развитие свободной мысли, но в свое время оно сыграло немаловажную роль в развитии научного мышления. Если мы хотим в полной мере изучить древнюю письменность, в том числе и древнегрузинскую литературу, то нельзя не учитывать тех сил, которые благоприятствовали или препятствовали ее развитию». Автор убедительно аргументирует эту свою мысль примерами из древнегрузинской литературы (Антон Цагерели-Чкондидели, Антон Багратиони, Сулхан-Саба Орбелиани). Миминошвили справедливо говорит и о том, что „изучение лексики и содержания грузинских версий «Изложения» поможет решению ряда рустведологических проблем, и в частности — подготовке научно-критического текста «Витязя в тигровой шкуре»“ (стр. 194).

К сожалению, Миминошвили хотя и обещал в аннотации к своей книге издать подготовленный им текст грузинских версий «Изложения», однако до сих пор этот ценный источник все еще не опубликован.

Несмотря на отдельные недостатки, которые читатель, несомненно, обнаружит в рецензируемой книге, нельзя не признать, что исследование Миминошвили с интересом будет встречено всеми теми, кого занимают проблемы древнейших литератур.

И. Богомолов